

Елена Арсеньева

Нарцисс для принцессы (Анна Леопольдовна – Морис Линар)

Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)

Елена Арсеньева
Нарцисс для принцессы (Анна
Леопольдовна – Морис Линар)
Серия «Любовь у подножия трона»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161502
Любовь у подножия трона: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04439-6*

Аннотация

«— Ваше величество, ваше высочество, позвольте представить вам...

Голос Лестока интригующе замер.

Екатерина повернула голову и увидела склонившегося перед императрицей Елизаветой Петровной высокого и превосходно сложенного человека, одетого в роскошный шелковый камзол и столь обтягивающие кюлоты¹, что на обладателе менее совершенных ног они смотрелись бы нелепо...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Елена Арсеньева

Нарцисс для принцессы

– Ваше величество, ваше высочество, позвольте представить вам...

Голос Лестока интригующе замер.

Екатерина повернула голову и увидела склонившегося перед императрицей Елизаветой Петровной высокого и превосходно сложенного человека, одетого в роскошный шелковый камзол и столь обтягивающие кюлоты¹, что на обладателе менее совершенных ног они смотрелись бы нелепо. Камзол был нежно-голубой, кюлоты нежно-золотистые. Виднелся лиловый жилет с розовыми жемчужными пуговицами и очаровательное жабо цвета недозрелого абрикоса. Все это вызывающее смешение, как ни странно, смотрелось великолепно, уживалось мирно, словно цветы в букете.

Незнакомец поднял голову, и Екатерина увидела белое, румяное, умело припудренное и ухоженное лицо мужчины, который знает, что он удивительно красив, который холит и лелеет свою красоту, как драгоценный дар. Однако, несмотря на все ухищрения, сразу было видно, что его первая молодость уже давно миновала.

Сколько ему? Лет пятьдесят? Да, около того. Видимо,

---

¹ Кюлот (*фр. culotte*) – короткие штаны, которые дворяне носили во Франции до начала XIX в.

в молодые годы был подлинный красавец. Можно представить, сколько времени он проводил перед зеркалом, этот Нарцисс!

– Я имел удовольствие быть представленным, если ваше величество помнит меня... – прозвучал его голос, такой же чуточку жеманный, как и он сам. Жеманный, игривый, вкрадчивый. Голос прирожденного обольстителя. Нарцисс говорил как бы с императрицей, однако бойко стрелял глазами в сторону молоденькой великой княгини Екатерины Алексеевны. – Правда, в ту пору ваше величество звалось принцессой Елизаветой. Ца-рев-на Е-ли-са-вет, – старательно выговорил он по-русски.

Императрица чуть нахмурилась. Что-то знакомое мелькнуло в облике, в посадке головы, в выражении необыкновенно красивых черных глаз. У него были тяжелые верхние веки, и это придавало безусловно мужественному лицу томное выражение. Веки напоминали голубиные крылья.

Он и ворковал, точно голубь.

«И верно, я уже встречала его раньше!»

Елизавета Петровна, уже приоткрывшая губы в зовущей улыбке, которой она встречала всякого мужчину от пятнадцати до семидесяти лет, ежели он был не слабоумен или не вовсе подагрический урод, внезапно насторожилась.

Ничего, ровно ничего опасного не было в этом чрезмерно улыбочивом, немолодом записном волоките, однако словно бы отзвук какого-то давнего страха прошумел за спиной

и заставил вздрогнуть безупречные белоснежные плечи императрицы.

Екатерина с любопытством поглядывала то на престарелого красавца, то на государыню.

«Да кто же он такой?!»

– Не взыщите, сударь, – сказала императрица, сияясь улыбаться как можно беспечней. – Не припомню, когда это было? И где?

– Давненько, ваше величество, – усмехнулся щеголь, привычно играя своими очаровательными, в самом деле очаровательными глазами. – Не диво, что вы меня забыли, ибо я изменился, да и вы изменились тоже. А видались мы, не совраť, лет уж пятнадцать тому... Случилось сие при дворе вашей кузины Анны Иоанновны. Тогда именно *она* была императрицей. Припоминаете?

Улыбка Елизаветы Петровны не померкла. При легкости ее нрава она многое умудрилась забыть и без тоски вспоминала годы, когда ее топтали ногами все кому не лень, а она делала вид, будто ей это доставляет одно только удовольствие. Цыплят, как известно, по осени считают! Кто она теперь? Императрица, государыня всяя Руси! И где они, кто ее пригнетал к земле, словно непокорную яблоньку? Где кузина Анна Иоанновна? То-то и оно!

– Да мало ли, кто там только ни подвизался, при сестрицыном-то дворе! – сказала она со всей возможной грубостью, чтобы поставить этого Нарцисса на место. – Помнится мне,

даже китайцы как-то раз приобрели...

– Браво! – радостно воскликнул Нарцисс. – Именно об этом дне я и веду речь. Ну, теперь-то вы меня вспомнили?

– Китайцы! – хихикнула великая княгиня Екатерина Алексеевна, с любопытством наблюдавшая за навязчивым Нарциссом и императрицей.

Елизавета Петровна чуточку нахмурила белоснежный лоб. Она помнила кузину Анну Иоанновну, еще бы не помнить... она помнила свою двоюродную племянницу Анну Леопольдовну, воспитанницу императрицы, – у малышки Анны в ту пору было куда больше возможностей занять русский престол, чем у Елисавет, родной дочери Петра Великого, и она даже умудрилась немножко поцарствовать...

Немножко. Совсем чуть-чуть!

И вдруг Елизавета Петровна отчетливо вспомнила тот вечер. Как раз принимали при русском дворе китайское посольство. У китайцев были совсем плоские лица! Точно блины. И одеты они были несусветно: на макушках стояли какие-то черненькие домики с шариками, а шаровары небось в сажень шириной, пошире бабьих юбок. А может, это и впрямь были юбки?! Все собравшиеся с любопытством пялились на китайцев, а они так же пялились на окружающих. При них был толмач. Императрица Анна Иоанновна, которая любила вольности в разговоре, вдруг спросила, которую из присутствующих здесь дам они считают наиболее красивой. Старший китаец, даром что дикий азиат, отвечал

с истинно французской галантностью:

— В звездную ночь трудно сказать, которая из звезд самая блестящая!

Однако Анна Иоанновна не унималась. Тогда китаец пристально оглядел всех собравшихся дам и, указывая на Елисавет, сказал, что считает *ее* самой красивой и что если бы у нее не были такие большие глаза, то никто не смог бы остаться в живых, увидев ее!

Елисавет поспешно потупилась и скрыла торжествующую улыбку, потому что можно было очень просто угадать: императрицу сей роскошный комплимент приведет в ярость. Она уставилась в пол, даже не ответив любезному китайцу, и думала почему-то: небось запухшие от слез глазки племянницы Анны именно столь узки, сколь хотелось бы китайцу!

Да-да, у Анны Леопольдовны в ту пору были вечно заплаканные глаза, потому что тетушка-императрица норовила поскорей выдать ее замуж, а ей нипочем не нравились оба жениха: ни Петр, принц курляндский, сын теткиного любовника Бирона, ни принц брауншвейгский Антон-Ульрих. Она была до одури влюблена в саксонского посланника Мориса Линара, и стоило императрице об этом проведать, как она мигом выдворила красивого саксонца из России. Вот отчего была заревана малышка Анна! В тот вечер Морис Линар присутствовал на куртаге последний раз, он подходил прощаться ко всем дамам, подошел и к царевне Елисавет и воззрился на нее своими очаровательными и томными черными

глазами...

Боже правый!..

– Боже правый! – воскликнула императрица Елизавета. – Да неужто ж это вы, сударь?!

* * *

...Она знала, всегда знала, что с ней непременно случится что-нибудь необыкновенное. Она рождена для чуда! Она знала это с трех лет. Может быть, многие не поверят, однако трехлетний ребенок способен кое-что запомнить на всю жизнь. Вот и Лизхен (в то время ее еще звали не Анна, а Елизавета-Екатерина-Кристина) отчетливо запомнила одну из ссор между отцом и матерью. Они ссорились почти непрерывно, дочь привыкла к тому, что около нее постоянно звучали истерические крики, и почти не обращала по малолетству на них внимания, однако эти слова отца так и врезались ей в память:

– Вы хотите уехать? Да ради Бога! Только не забудьте прихватить с собой это маленькое отродье! Я не собираюсь больше кормить чужого ребенка! Теперь пусть ваш дядюшка позаботится о своей глупой дочери!

Разумеется, трехлетняя девочка запомнила эти слова безотчетно, ничего не понимая в услышанном. Она ведь тогда не знала, что отца ее зовут Карл-Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский, матушку – Екатерина Иоанновна и она

дочь недолговременного русского царя Иоанна V Алексеевича, а дядюшка, о котором так грубо кричал герцог, – это не кто иной, как русский государь Петр Алексеевич. Петр Первый!

Узнав все это и поняв, что герцог Карл-Леопольд не имеет к ней никакого отношения, а истинный отец ее – сам русский император, она и принялась ждать чудесных изменений в своей судьбе.

И они не замедлили произойти – словно по мановению волшебной палочки, как всегда бывает в сказках. Матушка не смогла больше жить с взбалмошным, деспотичным герцогом Карлом-Леопольдом и уехала к своей матери, вдовствующей царице Прасковье Федоровне – вернулась в Россию, откуда была увезена мужем шесть лет назад. Шесть несчастных лет назад... Теперь они жили то в Москве, то в Измайлове – жили тихо и скромно, но главное – спокойно, без скандалов и ссор, не очень-то заботясь о том, что происходило при дворе. Кто бы ни забирал власть, матушка ли Екатерина Алексеевна, вдова великого Петра, внук ли его, Петр II Алексеевич, они знали, что без куска хлеба не останутся: все-таки царского рода! И тут вдруг произошло еще одно чудо: после юнца Петра Алексеевича, в одночасье сгоревшего в огневице, на российский престол призывали самую что ни на есть близкую родню Прасковьи Федоровны, ее дочь, сестру Екатерины, – Анну Иоанновну, герцогиню курляндскую. Лизхен помнила обиженный шепоток матери: отчего не ее, а

сестру Анну выбрали на царство?! Но отчего – это было понятно даже простоватой Прасковье Федоровне. Оттого, что Анна – вдовица, а Катерина – мужняя жена. Неужто кто в России подпустит близко к престолу дебошира и скандалиста Карла-Леопольда?! Вот кабы он упокоился и таким образом успокоился... Да и в этом случае вряд ли повезло бы Катеньке, ибо Аннушка была старшая. Правда, у нее не было детей (скажем так – у нее не было рожденных в браке детей!), а оттого новой императрице непременно надобен был наследник.

Строго говоря, в Голштинии родная дочь Петра Великого Анна только что разрешилась от бремени младенцем мужеского пола, названным по имени деда также Петром. Однако Анна Иоанновна твердо решила отныне закрепить престол за потомками *своего* отца – несправедливо, как она всю жизнь считала, отстраненного братом Петром от престола. О том, что ее батюшка был разумом не горазд, попросту сказать – слабоумен, императрица вспоминать не хотела. И быстренько взяла под свое крылышко Лизхен, предопределив ей особенную участь: не самой сделаться наследницей, но родить наследника! Для этого ей предстояло сначала пообтесаться при дворе, а потом выбрать себе мужа.

Да уж, пообтесаться этой двенадцатилетней полунемецкой барышне следовало очень сильно. Она совершенно не умела держать себя, дичилась людей, где не надо, важничала, за столом роняла приборы, забывала про салфетку и

порою даже чавкала! Впрочем, приставленной к ней вдове французского генерала мадам Адеркас удалось-таки избавиться Лиз— хен от этих чудовищных промахов. Кроме того, теперь крошка изрядно знала французский, немецкий и при-страстилась к чтению светских книг. Однако география, история, латынь и арифметика — увы! — навсегда остались за пределами ее познаний. Наставником Лизхен в православии был сам Феофан Прокопович, но и ему мало что удалось вбить в эту легкомысленную головку. Девочка она была добрая, но чрезвычайно ленивая. Добиться от нее послушания мадам Адеркас удавалось только угрозами отправить ее назад к батюшке Карлу-Леопольду. Но даже когда Лизхен можно было без опаски вводить в самое утонченное общество, за этой лентяйкой и неряхой нужен был глаз да глаз.

Но и неряшество продолжалось лишь до поры до времени.

Преображение последовало, когда при дворе Анны Иоанновны появился граф Морис Линар, посланник саксонский. Прибыл он в апреле 1733 года, и людям понимающим сразу стало ясно: на дипломатическом поприще этот молодой человек вряд ли достигнет успехов, однако по стезе дамского угодника пойдет чрезвычайно далеко.

Подобно древнегреческому Нарциссу, Линар мог бесконечно любоваться собой. Однако от своего предшественника он все же выгодно отличался, ибо боготворил не только свою незаурядную красоту, но и женскую прелесть. Он уже был однажды женат — на графине Флеминг, однако три года на-

зад овдовел. Злые языки утверждали, что супруга не вынесла его неугомонного волокитства и умерла от разбитого сердца. Он был обворожителен и, надо сказать, именно этим одолел тех соперников, которые могли бы стать более удачливыми дипломатами в России. Однако саксонский двор рассуждал так: в этой загадочной стране наступало царство женщин и их любовников. Императрицей как хотел вертел ее фаворит Бирон. Царевна Елисавет занималась только тем, что зазывала в свою постель то одного, то другого мужчину. Видимо, Анна Леопольдовна (к тому времени Лизхен уже приняла православие и была названа по имени императрицы, ставшей ее крестной матерью) пойдет по тому же пути. Поэтому восторженному Морису Линару было недвусмысленно предписано очаровать племянницу императрицы и проторить коротенькую дорожку к ее сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.